

ресно и показательно проследить первые опыты живописцев при иллюстрировании множества возникших в XVI в. произведений агиографической литературы. Здесь еще не сложились иконографические каноны, и самостоятельная интерпретация текста выступает наиболее отчетливо и ярко. Своеобразно истолковывая литературную основу, художник порой выделяет и усиливает содержащиеся в тексте жанровые эпизоды.

Примером памятников подобного типа является икона «Александр Свирский в житии», 1592 г. Она происходит из Александро-Свирского монастыря и хранится в Гос. Русском музее.² Икона имеет весьма значительные размеры: 235 × 122 см. В центральной части представлен в рост, фронтально Александр Свирский, изображенный в обычном иконографическом типе «преподобного», в монашеском одеянии. Правой рукой он благословляет, в левой держит развернутый свиток с текстом приписываемого ему поучения. Средник обрамлен необычайно узкой полосой клейм, содержащих 39 сцен жития.³ Обращает на себя внимание несоразмерность крупной, монументальной фигуры средника и мелких, миниатюрных клейм.

Центральная часть иконы находится под плотной записью XIX в. Клейма же подверглись не столь значительным изменениям. Некоторые контуры и «пробела» слегка прописаны, золотые фоны и нимбы поновлены. Олифа, покрывающая изображения, немного потемнела. Как показала пробная расчистка одного из клейм, древние золотые фоны и находившиеся на них киноварные пояснительные надписи были стерты перед поновлением клейм.

Икона богато украшена. Фон средника покрыт чеканным серебряным окладом, на котором сохранились следы гвоздей, прикреплявших ныне утраченный венец. На полях иконы — басма, орнамент которой, содержащий мотивы виноградных лоз, гранатов и крупных розеток, трактован в манере, характерной для конца XVII—начала XVIII в.

На окладе имеется серебряная табличка с гравированной надписью: «Лета 7100 (1592) при державе царствия государя, царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси самодержца, и его благоверной царицы и великой княгине Ирины, и при святейшем Иеве патриарсе московском и всея Руси, поставил сию святую икону в дом живоначальной Троицы и преподобному чудотворцу Александру Сверхскому государев, царев и великого князя дьяк Семен Емельянов вклад вечной, при игумене Дионисии. Писал икону зограф ермонах Партениос Андреин Духовский, с ним же Васильев сын Иоанн Холст».⁴

² Инв. № 2657.

³ Размер клейм — 15 × 12 см.

⁴ Надпись издана в статье М. К. Каргера «Материалы для словаря русских иконописцев» (см.: Художественный отдел Государственного Русского музея. Материалы по русскому искусству, т. I. Л., 1928, стр. 117—118). Два примечания к тексту надписи.

а) Имя заказчика иконы дьяка Семена Емельянова неоднократно встречается в документах той эпохи. В 1586 г. он был дьяком Большого двора, а в 1588 г. послан в Новгород (см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 36, 474, 797). В 90-е годы он известен как дьяк Посольского приказа. В эти годы намечался союз России с Персией. В 1595 г. Федор Иоаннович отправил к персидскому шаху Аббасу многочисленное посольство во главе с князем Василием Тюфякиным и дьяком «Семейкой Омельяновым» (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранскими, т. II. СПб., 1852, стр. 434). Посольство окончилось трагически. В Гиляни погиб Емельянов, а затем, в Персии, — почти все остальные участники посольства. Об их гибели долго не знали в Москве. Несколько оставшихся в живых стрельцов вернулись лишь в 1598 г. (см.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X. СПб., 1834, стр. 181).